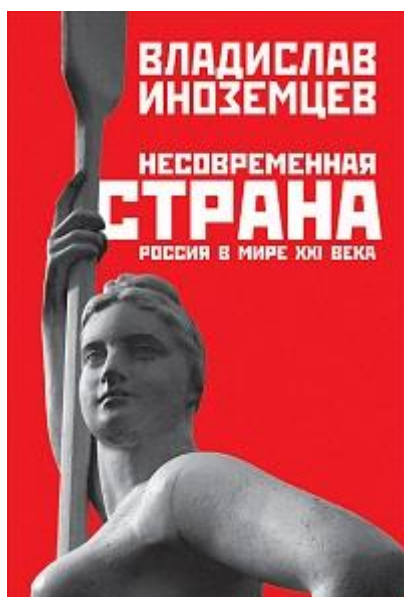

Владислав Иноземцев. Несовременная страна. Россия в мире XXI века

«Россия — страна особенная, однако сложно найти хотя бы одну сферу, в которой такая особенность указывала бы на прогрессивный характер и выгодно отличала ее от остальных государств. История последних 15 лет указывает на то, что Россия разворачивается от современности к архаике». Встав на эту позицию, автор создает систематическую картину общества, в котором мы живем, и мира, в который это общество встроено. Недавно я прочитал книгу Гектора Макдональда. [Правда. Как политики, корпорации и медиа формируют нашу реальность, выставя факты в выгодном свете](#). У меня сложилось впечатление, что Владислав Иноземцев подверг факты просеиванию, чтобы отобрать только те, что поддерживают его точку зрения. Мир не черно-белый, но фактов, свидетельствующих о проблемах Запада, и успехах России, я не нашел. В то же время, о наших успехах (действительных и мнимых) трубят все СМИ, так что альтернативная точка зрения заслуживает внимания.

Владислав Иноземцев. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. – М.: Альпина Паблшер, 2019. – 404 с.

Купить книгу в издательстве [Альпина Паблшер](#), цифровую книгу в [ЛитРес](#), бумажную книгу в [Ozon](#)

Россия на протяжении своей тысячелетней истории сформировала совершенно особую идентичность, определяемую тремя только ей присущими чертами. Ее первой особенностью, прослеживающейся с начальных шагов новой страны и до сегодняшнего дня, является непрекращающийся процесс социального и технологического заимствования и усвоения перенятых черт с последующим опережением своих «учителей» и достижением наивысших результатов, какие только могут последовать из применения заимствованных технологий. Второй уникальной чертой страны является специфическая имперская структура, в рамках которой само понятие империи старательно уводилось на второй план, а естественно сменявшие друг друга периоды имперского подъема и упадка искусно камуфлировались тщательно выстраиваемыми идеологемами, которые в большинстве случаев не имели к происходящему даже отдаленного отношения. Наконец, третьей исторической особенностью России стало обретение ею уникальной политической надстройки в виде «государства» — обезличенной сущности, обладающей сакральным значением и неформализованными интересами, в равной степени враждебной как внешнему миру, так и собственному народу; сущности, которая с каждым новым витком истории выглядит все менее современной.

Глава 2. Европейская авторитарная страна

В классическом определении демократии главным ее элементом выступает указание на способность народа избирать и сменять правительство посредством свободных и честных выборов». В соответствии с этим определением в нашей стране на протяжении последней тысячи лет демократии не существовало и сегодня не существует. Были периоды, когда мнение населения означало немного больше, чем обычно, но и только.

Специфической чертой России было и остается то, что в стране не существует оппозиции — есть только диссиденты, либо не понимающие величия и правоты «власти», либо сознательно мешающие своей стране «подняться с колен». Оппозиции в России нет и не может быть — и, собственно, этот факт является и предпосылкой, и следствием отсутствия демократии, так как демократия и наличие в обществе оппозиционной силы, воспринимаемой в качестве конструктивного оппонента и способной прийти к власти, по сути своей во многом синонимичны.

Россия на протяжении всей своей истории была и остается ресурсной экономикой. Ресурс, от которого зависят казна и страна, может меняться — от пушнины и золота через пеньку и зерно до нефти и газа. Вплоть до наших дней львиная доля доходов бюджета формируется за счет поступлений от сырьевой ренты.

Предпринимательство в России традиционно рассматривается не как средство повышения благосостояния общества, а как спекуляция или деятельность, мотивированная исключительно целями наживы. Всё это приводит к тому, что в сознании подавляющего большинства жителей страны задачи перераспределения богатств приоритетнее задач их умножения. Это также является мощным блокиратором демократии. Она не может существовать как доминирующая политическая форма там, где правительство экономически не нуждается в подданных, живя на доходы от ренты.

Очень показательно, например, что в наши дни федеральный центр демонстративно брезгует подоходным налогом, позволяя всецело распоряжаться им регионам (хотя в США он составляет большую часть поступлений в федеральный бюджет), но при этом жестко контролирует основные рентные платежи — таможенные пошлины и налог на добычу полезных ископаемых.

Страна, в которой население в своем подавляющем большинстве не создает богатство, а потребляет его, не может быть демократической (не случайно переход от «экономики участия» к требованиям «хлеба и зрелищ» совпал по времени с переходом от республики к империи в Древнем Риме). Особенность России состоит еще и в том, что зависимость от природной ренты не сокращается, а растет, — и, значит, демократизация выглядит не только нереалистичной, но отчасти даже несправедливой. У тех, кто промышляет милостыней, нет и не может существовать повода требовать для себя прав определять голосованием поведение тех, кто ее раздает.

В XXI столетии Россия отказалась лишь от одного принципа большинства авторитарных обществ — от мелочной регламентации частной жизни, закрытых границ и насаждения лукавого имущественного равенства, но не пересмотрела принципы отношения между властью и народом, государством и обществом.

Сегодня нужно исходить из того, что в новейшей европейской истории отклонения от демократического пути развития, хотя и встречаются часто, всегда остаются временными. Более того; история корпоративистских режимов характеризуется тем, что, заикнувшись на принципе вождизма, они никогда не переживали ухода своего основателя.

Поэтому сегодня не стоит пытаться «демонтировать» ретроградный и недемократический российский режим; его просто следует пытаться «пережить» — а когда это случится, окружающему России миру следует не повторить ошибок, допущенных в 1920-е и в 1990-е годы, и максимально инкорпорировать в свои структуры несовременную страну — потому что только такими методами ее можно приобщить к современности. Последнее не должно оказаться сложным, так как Россия и сейчас остается внутренне свободным и индивидуализированным обществом, будучи в этом отношении исключительно похожей на западные социумы.

Глава 3. Рыночная не-экономика

Ресурсная экономика подпитывает такой критически важный для российского национального сознания элемент, как идею пространственной экспансии. Когда люди привыкают к тому, что на экономические проблемы существует только один ответ — расширение пространства, то, во-первых, усиливается приверженность к контролю над новыми территориями и усугубляется ностальгия по потере ранее удерживавшихся и, во-вторых, возникает пренебрежительное отношение к экономической (да и политической) эффективности.

Когда Россия, а затем Советский Союз столкнулись с серьезными проблемами в аграрном секторе в начале, а потом в середине XX века, то ответы на эти вызовы, несмотря на принципиальные экономические и идеологические отличия правительств, были практически одинаковыми: освоение

в первом случае Западной и Южной Сибири (при П. Столыпине), а во втором — Северного Казахстана (при Н. Хрущёве). И оба раза без долгих раздумий экспансию предпочли попыткам повысить эффективность аграрного сектора в центральных областях России.

Сырьевое хозяйство, авторитарная власть и заикленность на территориальной экспансии — взаимосвязанные факторы, делающие Россию неизбежно несременной страной. Каждый элемент данной триады обуславливает приверженность двум другим, и выхода из нынешней ситуации не просматривается.

Отмечая неэффективность российской хозяйственной модели, нужно сделать одно терминологическое замечание. В русском языке нет разграничение понятий effectiveness и efficiency, Effektivitat и Effizienz — терминов, которые разделяют значения известного всем слова на подчеркивающее сам факт успешного решения некоей задачи и указывающее на минимальные издержки, с которыми оно было достигнуто. Мне кажется, это говорит о немаловажном обстоятельстве: в российском сознании исполнение того или иного проекта самоценно; затраты в данном случае вторичны; последствия завершения его реализации несущественны; в общем, как часто подчеркивалось в нашей истории, «победителя не судят».

Экономика, начинается там, где возникает понятие редкости. Там, где фактор редкости не принимается в расчет, не существует экономики как таковой. Систему, которая возникает в этих условиях, можно называть народным хозяйством, но не экономикой. Модель «народного хозяйства» — в отличие от традиционной рыночной экономики — допускает (и даже предполагает) возможность переброски любого количества любых ресурсов на любой «участок фронта», но не обладает встроенным механизмом, который подталкивал бы к ограничению издержек, что является основой рыночного механизма конкуренции. В свою очередь, отсутствие такого механизма делает бессмысленными технологические новации, так как их применение обычно обуславливается стремлением сократить необходимый для производства того или иного продукта объем труда или капитальных затрат. Поэтому не будет, на мой взгляд, преувеличением сказать, что именно ресурсный характер российского народного хозяйства приводил и приводит к невосприимчивости страны к инновациям — и в силу этого Россия обречена вечно ходить по одному и тому же «модернизационному кругу».

Коррупция присуща российскому обществу по двум причинам — экономической и политической. Экономическая причина определяется двухсекторным характером российской экономики. Коррупция становится формой связи и взаимодействия между государственным и рыночным секторами российского народного хозяйства: для того, чтобы те или иные средства были направлены на решение определенных задач, у чиновника должны быть стимулы, а для их получения на другой стороне должен находиться хозяйствующий субъект, который готов удовлетворить пожелания чиновника.

Ни внутри чисто государственной экономики (например, Советского Союза), ни внутри вполне рыночной (например, любой западной страны) масштабная коррупция невозможна: она останется исключением, так как будет противоречить интересам либо диктатора, либо общества и потому искореняться. Однако разделенность российского народного хозяйства на две части является идеальной питательной средой: коррупция в этой ситуации равно необходима как правящей элите (для создания механизма присвоения бюджетных средств), так и значительной части крупных предпринимателей (как инструмент получения государственных заказов и поддержки своего бизнеса). Поэтому коррупция является одной из основ современного российского общества и должна рассматриваться как правило, а не как исключение.

Политическая причина коррупции сводится к тому, что российская властная элита поставила себя в довольно щекотливое положение. Руководители страны уничтожили реальную демократию и подотчетность власти, став de facto собственниками большей части общественного достояния — но так и не смогли это формализовать. Российская элита — это некий аналог саудовского королевского дома. В этих условиях коррупция становится инструментом контроля над богатствами, которые чиновнику довольно легко присвоить, не нарушая существующих правил, но практически невозможно легализовать, — и это имеет катастрофические последствия для экономики, так как для того, чтобы положить в карман (или оставить на счету подконтрольной компании) миллиард рублей,

приходится включать в бюджет бессмысленные инвестиции на десятки миллиардов, на фоне которых «откаты» пройдут незамеченными.

Коррупция в России выступает одним из наиболее убедительных свидетельств ее несовременности — неспособности организовать страну так, чтобы граждане могли действовать и достигать своих целей в легальном поле, не опасаясь юридических последствий.

Глава 4. Невозможность модернизации

Модернизации вряд ли ее стоит ждать в ближайшее время. С одной стороны, политическая элита ныне официально провозглашает курс на «консерватизм» и укрепление «традиционных» ценностей и норм, в то время как любая модернизация исходит из постулата о гибкости социальных устоев и возможности их трансформации. Идея модернизации в своей основе предполагает отказ от традиций и максимальную рационализацию общественной жизни — и тем самым прямо противоречит основной идее современной России, консерватизму.

С другой стороны, сегодня все усилия власти направлены на убеждение сограждан в том, что Россия «встала с колен», вернулась в число великих держав, что она готова на равных соперничать с Западом. Таким образом, в России сегодня нет самой главной предпосылки модернизации: широкого общественного консенсуса по вопросу о неприемлемости существующего положения вещей.

Важнейшим, на мой взгляд, политическим достижением власти стало то, что она убедила большинство россиян в том, что следовать в русле «общемирового» прогресса не только бессмысленно, но и опасно. В результате в России сложилась ситуация, в которой регресс и отставание стали восприниматься как показатель успеха. Как и во многих других случаях, о современности тут говорить сложно.

Глава 5. Навстречу социальной катастрофе

Следуя принципу рациональности, наиболее успешные общества на протяжении последних десятилетий постоянно пересматривают исторически сложившиеся представления о нормальном и допустимом ради создания для своих членов более комфортных в материальном и социальном плане условий существования и потому поступательно движутся вперед. В отличие от них те общества, в которых на первое место выводятся представления об «особом пути», и которые по каким-либо причинам не желают признавать происходящие в мире необратимые перемены, выбирают в качестве своей идеологической доктрины разные варианты светского или религиозного консерватизма — но при этом основной жертвой все равно становится рациональность, а вместе с ней и самые разные интересы значительной части общества.

Государство выстраивает свою политику таким образом, чтобы граждане воспринимались как своего рода балласт, который необходимо чему-то учить, хоть как-то лечить и еще содержать в старости: даже мысль о том, что люди способны сами накопить свои пенсии (как это и происходит во всем мире), если не ограничивать их право на распоряжение собственными деньгами, не приходит элите на ум; правительство не способно организовать качественное здравоохранение на коммерческой основе и разрешить в этой сфере благотворительность и частную врачебную практику.

При этом все последние годы даже те минимальные гарантии, которые существовали у граждан (от низкого пенсионного возраста и социальных льгот до частично «бесплатного» здравоохранения), ликвидируются либо законодательно (в случае повышения возраста выхода на пенсию или «заморозки» ее накопительной части), либо «по факту» (в случае «укрупнения» клиник и закрытия сельских медпунктов). Научная деятельность во многом превращается в откровенный фейк; вера заменяет знание и экспертизу, а профессиональный рост оказывается полностью зависимым от кумовства и лояльности.

Сегодня любой прогресс и любые изменения означают риск разрушения той «стабильности», которая стала любимым детищем нынешней российской власти.